

УДК 159.9:001.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-25-37

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Соколова Елена Евгеньевна

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва),
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)*

Обсуждается роль истории психологии в поиске адекватных путей решения методологических проблем психологической науки. Новейшие исследования сознания, в которых сочетаются скрупулезное изучение анатомии и физиологии мозга с помощью современных технологий и интроспективные отчеты носителя сознания, мало чем отличаются в своих методологических основаниях от исследований более чем столетней давности, подвергнутых аргументированной критике Л.С. Выготским и другими представителями культурно-деятельностной психологии за картезианский дуализм. Разведение Л.С. Выготским переживания и собственно научного знания дает основание критически отнестись к утверждению некоторых представителей и сторонников аналитической философии о невозможности научного постижения сознания, отождествляемого ими с субъективной реальностью. Сравнительный историко-психологический анализ идей Б. Спинозы, А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильенкова приводит к выводу о том, что А.Н. Леонтьев в построении теории деятельности ориентировался не на победивший в СССР вариант марксизма («диамат»), а на положения аутентичного марксизма, рассматриваемого философами круга Э.В. Ильенкова как продолжение и развитие Спинозизма. Созданное на этой философской основе учение школы А.Н. Леонтьева о деятельности как особой субстанции, а сознания (и психики в целом) — как функции этой субстанции, подтверждаемое многочисленными эмпирическими исследованиями и практикой формирования сознания в онтогенезе, представляет собой достойную альтернативу зашедшим в методологический тупик картезиански ориентированным исследованиям сознания в современных когнитивных науках. Показана также роль архивных изысканий для уточнения происхождения и первоначального значения используемой в психологии терминологии. Так, на основе изучения стенограмм дискуссий 1948 г. по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» установлено, что словосочетание «трехчленная схема анализа» исходно встречается в выступлениях оппонентов Леонтьева, тогда как данная терминология, впоследствии использованная им самим в книге «Деятельность. Сознание. Личность», только запутывает дело и не позволяет адекватно понять нетривиальный взгляд школы А.Н. Леонтьева на деятельность как субстанцию сознания. В заключении делается вывод о том, что особое внимание в мировой науке к историческому наследию создателей культурно-деятельностной психологии обусловлено ее специфической методологией, что делает ее «наукой будущего» и требует, в свою очередь, новой историко-психологической и теоретической рефлексии.

Ключевые слова: история психологии, аналитическая философия, сознание, психофизическая проблема, картезианство, Спинозизм, марксизм, деятельность, субстанция, культурно-деятельностная психология, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков.

METHODOLOGICAL FUNCTIONS OF THE HISTORY OF PSYCHOLOGY IN MODERN SCIENCE

Elena E. Sokolova

*Lomonosov Moscow State University (Moscow),
Belgorod State University (Belgorod)*

The article discusses the role of the history of psychology in the search for adequate solutions to the methodological problems of psychological science. The most recent studies of consciousness, which

combine a meticulous study of anatomy and physiology of the brain with the help of modern technology and introspective reports of the bearer of consciousness, differ little in their methodological foundations from those of more than a century ago, which were subjected to sound criticism for Cartesian dualism by L.S. Vygotsky and other representatives of cultural-historical activity theory in psychology. L.S. Vygotsky's distinction between *perezhivanie* (experience) and scientific knowledge gives grounds to be critical of the assertion of some representatives and supporters of analytic philosophy that it is impossible to have a scientific comprehension of consciousness, which they identify with subjective reality. A comparative historical analysis of psychological ideas of B. Spinoza, A.N. Leontiev, and E.V. Ilyenkov leads to a conclusion that, in constructing his theory of activity, A.N. Leontiev was guided not by the official Soviet version of Marxism («dialectical materialism») but by the provisions of authentic Marxism. The philosophers of E.V. Ilyenkov's circle fairly viewed Marxism as a continuation and development of Spinozism. On this philosophical basis, A.N. Leontiev's scientific school created the concept of activity as a peculiar substance, with consciousness (and the psyche in general) being its function. This doctrine, confirmed by numerous empirical studies and the practice of forming consciousness in ontogenesis, is a good alternative to the Cartesian-oriented research on consciousness in modern cognitive sciences, which has reached a methodological dead end. The paper also shows the role of archival research in clarifying the origin and original meaning of terminology used in psychology. For example, the study of transcripts of the 1948 discussions presented in A.N. Leontiev's book *An Essay on the Development of the Psyche* reveals that the phrase «the threefold scheme of analysis» originally appeared in the speeches of Leontiev's opponents, while these terms (later used by Leontiev himself in his book *Activity. Consciousness. Personality*) only confuse the matter and do not allow one to adequately understand the non-trivial view on activity as a substance of consciousness developed by A.N. Leontiev's school. In conclusion, the author argues that the special attention of the international scientific community to the historical heritage of the founders of cultural-activity psychology is due to its specific methodology, which makes it a «science of the future» and, in turn, requires a new historical-psychological and theoretical reflection.

Keywords: history of psychology, analytic philosophy, consciousness, psychophysical problem, Cartesianism, Spinozism, Marxism, activity, substance, cultural-activity psychology, L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, E.V. Ilyenkov.

Введение

11–12 декабря 2021 г. я приняла участие в международной конференции «Историческая сущность труда». Что поразило на этой конференции больше всего: все философы свободно оперировали идеями мыслителей прошлых эпох, их собеседниками (союзниками и оппонентами) были Анаксагор, Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель, Маркс и многие другие. У философов история философии не воспринимается в виде какого-то «довеска» к современным изысканиям. Напротив, как писали в аннотации к своему известному учебнику С.Н. Мареев и Е.В. Мареева, «история философии есть та же философия, только в исторической форме. Лишенная своей истории философия теряет драматизм, достоверность факта, живую связь времен, а сама история превращается в набор фактов, связанных только хронологически» [Мареев С.Н., Мареева Е.В., 2003, с. 2].

К сожалению, сказать что-то аналогичное о психологии никак нельзя. Несмотря на то что она — по историческим меркам совсем недав-

но — выделилась из философии как самостоятельная наука, несмотря на то, что до сих пор при преподавании некоторых учебных дисциплин, особенно разделов курса общей психологии, многие лекторы прибегают к исторической логике изложения материала, для многих современных исследователей и тем более студентов история психологии кажется чем-то замшелым и ненужным для решения актуальных проблем психологической науки и практики.

Такое небрежение историей проявляется, в частности, в том, что в учебных планах факультета психологии ведущего вуза нашей страны — МГУ имени М.В. Ломоносова — на специализированный курс истории психологии в настоящее время выделено всего 48 часов (из них 32 часа на лекции и 16 часов на семинары); при этом ранее читаемый два (а в некоторые годы — три) семестра курс «История философии», помогавший студентам понять философские основания различных психологических концепций, вообще исчез из учебного плана факультета.

Еще хуже обстоит дело с публикациями по историко-психологической тематике. Стоит

только посмотреть на требования многих периодических изданий, представленные в памятках для авторов: в списках литературы должно быть, например, не менее 50 % ссылок на статьи в ведущих научных журналах за последние 5–10 лет, при этом от четверти до половины ссылок должны быть на зарубежные публикации и т.п. Особенно приветствуются статьи, излагающие результаты «эмпирических исследований» в соответствии с канонической формой их представления (введение, цель исследования, теоретическая основа, методика, характеристика испытуемых, результаты и их обсуждение и пр.). И если некоторые статьи по истории психологии еще можно как-то подогнать под данную «классическую» схему, то уж опубликовать архивный материал в журналах гораздо труднее. Более того, на портале elibrary.ru подобные публикации зачастую вообще не засчитываются как результаты достойной упоминания работы, за которой на самом деле стоит огромный труд по поиску, атрибуции, расшифровке и комментированию архивных текстов. При этом единственный специализированный отечественный журнал для историков нашей науки — «Методология и история психологии» — просуществовал всего несколько лет и в настоящее время не выходит.

Из всего вышесказанного становится ясно, что история психологии оказалась бедной родственницей современной психологической науки. Между тем распутать возникший в настоящее время в психологии клубок постоянно обсуждаемых методологических проблем невозможно, как утверждал М.Г. Ярошевский, без «творческого диалога с прошлым», т.е. высшей формы исторической рефлексии в науке [Ярошевский М.Г., 1985]. Неслучайно, подчеркивал он, Ф. Брентано и К. Левин в свое время обращались к творчеству Аристотеля, Л.С. Выготский — к наследию Р. Декарта и Б. Спинозы и т.п. Однако вследствие победивших в психологических исследованиях XXI в. позитивистских и постмодернистских методологических установок (которые — несмотря на кажущуюся противоположность — прекрасно уживаются друг с другом) наблюдается отсутствие адекватной работы по рефлексии уже имеющихся взглядов и пренебрежение теоретической работой в психологии вообще, о чем неоднократно озабоченно заявляли известные методологи науки.

Именно поэтому целью настоящей статьи является актуализация обсуждения проблемы функций исторических исследований в современной психологической науке и практике. При этом мы не собираемся ограничиваться простыми декларациями на данную тему, а покажем на материале собственных историко-методологических исследований культурно-деятельностной психологии, как именно могут быть реализованы некоторые из этих функций в решении современных психологических проблем.

История психологии в критическом анализе методологии новейших исследований сознания

Не секрет, что вот уже несколько десятилетий наблюдается своеобразный бум исследований сознания, проводимых представителями самых разнообразных научных дисциплин. Однако безусловно доминирующей линией этих исследований является «нейрофизиологическая» линия. Защитники и критики данного мейнстрима констатируют тот непреложный факт, что ни до, ни после Р. Декарта анатомия и физиология мозга не занимали столь важного места в изучении сознания, как сейчас [Велихов Е.П. и др., 2018]. Авторы указанной статьи при этом отмечают, что в многочисленных эмпирических исследованиях сознания использование новых уникальных технологий (нейровизуализации, айтрекинга и др.) сочетается с опорой на интроспективные отчеты. И это не случайно. Вновь актуализировалось, — в частности, в рамках аналитической философии сознания (Дж. Сёрл, Д. Деннет, Д. Чалмерс и др.) — обсуждение возможностей решения психофизической проблемы, приобретшей в последние годы форму вопроса о том, почему и как возникают субъективные переживания (experience, qualia) из работы «нейронных сетей»; однако, как констатируется в соответствующей литературе, никакого «хорошего» ответа на данный вопрос до сих пор нет [Проблема сознания..., 2009, с. 116].

На наш взгляд, его и не может быть. Для знатока истории развития человекознания вполне очевидно, что сама постановка подобного вопроса и дальнейшее его обсуждение в современной литературе по-прежнему базируются на взглядах Р. Декарта, подвергнутых критике уже его современниками в XVII в. Безусловно, эти взгляды сыграли огромную роль в

становлении психологии как науки о сознании и легли в основу классической интроспективной психологии, но после появления новых психологических направлений XX в., особенно тех, которые в своих философских истоках базировались на альтернативном картезианству Спинозизме, рассуждения психологов-интроспекционистов кажутся анахронизмом.

Читая современную литературу подобного типа, историк психологии часто испытывает состояние *déjà vu*: в ней — в лучших традициях, казалось бы, ушедшей в прошлое интроспективной психологии — сознание отождествляется с субъективной реальностью. Утверждается, что мое сознание «недоступно другим и неизмеримо с точки зрения современной науки» [Ускова Е.В., 2020, с. 195] и что «мое знание о моем сознании дано мне непосредственно» [Проблема сознания..., 2009, с. 154]. Поэтому предлагается возвратиться в психологию «непосредственное» познание психических явлений с помощью различных форм интроспекции [Карицкий И.Н., 2005; Яновский М.И., 2015; Котов А.А., 2020]. В то же время сторонниками подобных взглядов заявляется, что понять и познать субъективную реальность другого человека можно лишь зная собственную субъективную реальность [Проблема сознания..., 2009, с. 154]. Как напоминают все эти высказывания утверждения философов и психологов рубежа XIX и XX вв., например, Л.М. Лопатина, о том, что «мы все познаем сквозь призму нашего духа, но то, что совершается в самом духе, мы познаем без всякой посредствующей призмы» [Лопатин Л.М., 1900, с. 9], или рассуждения Г.И. Челпанова о том, что «необходимо мне самому пережить хоть раз то, что переживает другой человек, для того чтобы судить о его душевном состоянии» [Челпанов Г.И., 1918, с. 97]. Можно вспомнить также весьма пессимистический вывод А.И. Введенского, что чужая душевная жизнь навсегда останется для нас вне пределов возможного опыта [Введенский А.И., 1917, с. 78–80].

Некоторые современные авторы — также в духе учения Декарта о взаимодействии тела и души — прямо пишут о том, что сознание «может участвовать в ответе организма на стимульную ситуацию и некоторым образом связывать ее и ответные реакции» [Котов А.А., 2020, с. 81]. До сих пор наблюдаются и попытки «улучшить» Декарта, указав более «адекватный» — нежели шишковидная железа — орган,

который обеспечивает «взаимодействие тела и души», и этим органом оказываются различные структуры человеческого мозга.

Однако критиками подобных взглядов отмечается: возникшие в решении различных «трудных» проблем сознания противоречия приводят к пониманию, что следует пересмотреть картезианские методологические предпосылки исследований сознания и найти им альтернативу [Батаева Л.А., Олейник О.А., 2011]. На наш взгляд, такая альтернатива уже существует. Она представлена, в частности, в культурно-деятельностной психологии, которая осознанно строилась на идеях Б. Спинозы и дальнейшем их развитии в аутентичном марксизме. Это побуждает историков психологии вновь обращаться к изучению научного наследия Л.С. Выготского и его последователей.

Стремясь сделать психологию наукой, способной выдержать «высшее испытание практикой» [Выготский Л.С., 1982, с. 387], Л.С. Выготский, осуществив гигантскую работу по историко-методологической рефлексии имевшихся в психологии точек зрения, пришел к выводу, что именно дуализм картезианства обусловил «все главные противоречия современной психологии» [Выготский Л.С., 1984, с. 243]. Основным противоречием последней ученый называл дихотомию спиритуализма и механицизма, следствием которой было то, что психология превратилась во что-то совершенно безжизненное, далекое от решения самых фундаментальных вопросов человеческого бытия: «человек с его живыми и осмысленными страстями забывается и запирается наглухо в безжизненной психологии бесплотных духов и в бессмысленной психологии бездушных автоматов» [Выготский Л.С., 1984, с. 284].

Выход из подобного дуализма виделся Л.С. Выготским не в эклектическом соединении спиритуализма и механицизма путем союза «и», как это предлагали некоторые его современники и считают возможным авторы новейших исследований сознания, о которых шла речь выше, а в построении новой психологии на основе принципов монизма и диалектики. При этом ученый полагал, что уже Спиноза в XVII в. диалектически снял указанную дихотомию в своей «Этике» [Выготский Л.С., 1984, с. 301]. Третьего не дано, подчеркивал Выготский: либо дуализм (картезианство), либо монизм (спинозизм). К сожалению, сам Лев Се-

менович, видя совершенно неотложную необходимость «оживить Спинозизм» в «так называемой марксистской психологии» (поскольку видел, что эта последняя негласно базируется все на том же картезианстве), не успел в течение своей короткой жизни последовательно реализовать свой грандиозный план. Однако он сделал ряд шагов в данном направлении, которые, на наш взгляд, сохраняют свою значимость и для решения современных проблем философии и психологии сознания.

Так, к примеру, требование Л.С. Выготского строгого разведения переживания и собственно научного факта (научного знания), или явления и сущности в сознании, дает основание критически отнестись к выводам из известной и широко обсуждаемой до сих пор статьи Т. Нагеля «What is it like to be a bat?». Автор этой статьи утверждал, что факты сознания (субъективные переживания) доступны лишь «изнутри», и если предположить наличие у летучей мыши подобного субъективного опыта, то мы не сможем стать на ее точку зрения, поскольку воспринимаем лишь функционирование организма летучей мыши с позиций «третьего», а не «первого» лица, то есть существует непреодолимый «разрыв между субъективным и объективным» [цит. по: Проблема сознания..., 2009, с. 112]. Выготский же, напротив, утверждал, что «моя радость и мое интроспективное постижение этой радости — разные вещи» [Выготский Л.С., 1982, с. 411]. Для него было совершенно очевидно, что сущность любой изучаемой в науке реальности постигается «косвенным методом», посредством мышления, способного познать не только окружающий мир, но и психику в таких их характеристиках, которые недоступны ни «настоящему глазу», ни «глазу души». Только так, согласно Выготскому, можно изучать, например, «как видят муравьи, и даже как они видят невидимые для нас вещи, и не знать, какими эти вещи являются муравьям, т.е. возможно устанавливать психологические факты, отнюдь не исходя из внутреннего опыта, иначе говоря, не субъективно» [Выготский Л.С., 1982, с. 314]. Знатоки соответствующей литературы тут же угадают исходный источник данных рассуждений — Л.С. Выготский имел в виду высказывание Ф. Энгельса из «Диалектики природы»: «Разумеется, мы никогда не узнаем того, в каком виде воспринимаются муравьями химические лучи. Кого это огорчает, тому уж

ничем нельзя помочь» [Энгельс Ф., 1961, с. 555]. «Психология слишком долго стремилась не к знанию, а к переживанию, — заключал Л.С. Выготский, — в данном примере она хотела лучше разделить с муравьями их зрительное переживание ощущения химических лучей, чем научно познать их зрение» [Выготский Л.С., 1982, с. 352]. О необходимости и возможности опосредствованного объективного познания в психологии впоследствии писал и Б.М. Теплов.

Этой же идее следовал и А.Н. Леонтьев, который, начав во второй половине 1930-х гг. с поиска объективных критериев психического, представил в своих работах впечатляющую картину развития психики в филогенезе, полученную именно «косвенными» методами. Современные зоопсихологические исследования, проводимые в контексте культурно-деятельностной традиции, ясно показывают, как можно изучать «образ мира» различных животных подобным же образом, не пытаясь ставить себя «на их место», как это в свое время рекомендовал Э.Б. Титченер, и не горюя по поводу того, что нельзя разделить вместе с ними их переживания [Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю., 2018].

Критики современных исследований сознания справедливо констатируют также то обстоятельство, что в них весьма малое внимание обращается на социокультурные аспекты его формирования и развития [Акопов Г.В., 2010, с. 56]. Это побуждает размышляющих на подобные темы философов и методологов психологии также обращаться к историческому наследию школы Л.С. Выготского и — шире — к исследованиям в традициях культурно-деятельностной психологии, в которых именно указанная тематика занимала и занимает центральное место.

Наконец, некоторые исследователи сознания (даже в рамках «мейнстрима») считают, что следует вернуться от фиксации на психофизиологической проблеме (психика — мозг) к обсуждению собственно психофизической проблемы, поскольку все-таки мыслит не мозг как таковой, а человек при помощи мозга [Батаева Л.А., Олейник О.А., 2011; Беленицкая О.Л., 2021]. А поскольку данная проблема решалась совершенно по-разному в работах Р. Декарта и Б. Спинозы, требуется новая историко-научная рефлексия творческого наследия Спинозы как альтернативы «декартовскому подходу» к изу-

чению сознания, ограниченность которого, как уже писалось выше, все больше отмечается его критиками.

В следующем разделе статьи мы кратко представим результаты наших собственных историко-психологических исследований в этом направлении, которые имели своей целью эксплицировать Спинозистские корни деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева, что необходимо, на наш взгляд, для лучшего понимания представленных в данной школе попыток преодоления картезианского дуализма в изучении сознания.

Зачем для понимания теории деятельности школы А.Н. Леонтьева обращаться к философии XVII века

То, что Спинозизм является неявным философским основанием психологической теории деятельности указанной школы, представляется многим исследователям спорным хотя бы потому, что А.Н. Леонтьев, в отличие от Л.С. Выготского, практически не ссылаясь на Спинозу в своих трудах. Однако сравнительный историко-психологический анализ ранних и поздних работ А.Н. Леонтьева в социокультурном контексте их создания и в сопоставлении с трудами самого Б. Спинозы и современных «спинозоведов» привел нас к выводу [Сokolova E.E., 2019], что А.Н. Леонтьев в построении теории деятельности опирался не на вулгаризированный в СССР вариант марксизма («диамат»), а на положения аутентичного марксизма, который единомышленник А.Н. Леонтьева Э.В. Ильенков и философы его круга рассматривали и рассматривают как продолжение и развитие Спинозизма. Однако в период возникновения и дальнейшего развития психологии деятельности в советской философии и психологии возобладали именно вульгарная версия марксизма («диамат»), в котором «достойное место» занимал постулат непосредственности (схема $S - R$), тогда как А.Н. Леонтьев и вся его школа вели с этим постулатом беспощадную борьбу. Возможно, именно это и не позволило А.Н. Леонтьеву эксплицировать Спинозистские корни созданной им и его школой теории, в которой данный постулат радикально преодолевался введением в психологию категории деятельности.

Постулат непосредственности в «диамате» (а затем — и в ориентированной на него психологии) вытекал из определенного решения известного гносеологического вопроса о первичности/вторичности материи/сознания: если материя в «диамате» определялась, в соответствии с известной формулировкой В.И. Ленина, как объективная реальность, сознание, соответственно, следовало бы понимать как субъективную реальность, раз оно вторично по отношению к материи и является ее «отражением». Это приводило и приводит до сих пор к смешению онтологического и гносеологического планов рассмотрения сознания и к многочисленным недоразумениям в конкретных науках, изучающих сознание. Стоит заметить, однако, что сами классики марксизма неоднократно предупреждали о недопустимости превращения противоположности «материи» и «сознания» в абсолютную за пределами основного гносеологического вопроса.

Между тем учение Б. Спинозы никак не вписывалось в прокрустово ложе вопроса о том, что первично, а что вторично. Поэтому в советской философской литературе 1920–1930-х гг. шли бурные дискуссии о «материализме» или «идеализме» Спинозы, в ходе которых Л.И. Аксельрод убедительно доказала, что суть философии Спинозы — не в решении им основного гносеологического вопроса [Яхот И., 1981]. Ведь у Спинозы мыслит и действует одна-единственная субстанция (природа, или бог), и поэтому никакого «соотношения» и тем более «взаимодействия» между телом и душой в человеке быть не может. Философ писал в своей «Этике» совершенно определенно: «идея и тело, т.е. (по т.<еореме> 13) душа и тело, составляют один и тот же индивидуум, представляемый в одном случае под атрибутом мышления, в другом — под атрибутом протяжения» [Спиноза Б., 1957, с. 426]. При этом, как подчеркивал Э.В. Ильенков, «тело» у Спинозы (в отличие от Декарта) надо понимать исключительно как действующее и тем самым мыслящее тело: «Если мыслящее тело бездействует, то оно уже не мыслящее тело, а просто тело. Если же оно действует, то никак не на мышление, ибо самое его действие представляет собой мышление» [Ильенков Э.В., 1984, с. 31].

Впоследствии монистическое учение Спинозы получило свое развитие в аутентичном (а

не в вульгаризированном) марксизме, где единая и единственная субстанция как причина самой себя стала рассматриваться как всеобщее взаимодействие. Взаимодействие и выступает конечной причиной (*causa finalis*) всех вещей, исключаяющей «всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное» [Энгельс Ф., 1961, с. 483]. Именно поэтому для А.Н. Леонтьева исходной философской категорией выступило именно взаимодействие [Леонтьев А.Н., 1981, с. 35–36, 42, 45 и др.], одной из форм которого является деятельность. Последняя является всеобщей для психологии (равно как и для других сопряженных с психологией наук, имеющих с ней общий объект) субстанцией, а сознание (равно как и психика вообще) рассматривается в теории деятельности, говоря словами все того же Спинозы, атрибутом данной субстанции, или, в принятой в школе А.Н. Леонтьева терминологии, функцией — точнее, функциональным органом — деятельности [Соколова Е.Е., 2019].

Составной частью «диамата» была и так называемая ленинская теория отражения, согласно которой в мозгу отражается (более или менее полно) объективная реальность как таковая (как она есть «на самом деле»), и, хотя и говорилось об «активности» подобного отражения, данная познавательная активность противопоставлялась практике как действенному преобразованию мира. Между тем с момента своего возникновения, в соответствии с анτισоциальным характером аутентичного марксизма, школа А.Н. Леонтьева настаивала на деятельности природы любой формы познания, в том числе «элементарных» ощущений. Отсюда следовал совершенно нетривиальный для советской науки вывод, что психика — не функция мозга, а особая функция деятельности; при этом в образе мира субъекта представлен («отражается») не «объективный» мир как таковой, а «свернутый» опыт освоения субъектом *его* мира *посредством* деятельности. И это было вполне созвучно и идеям Спинозы о действенном, деятельностном характере познания: чем активнее человек расширяет сферу своих действий в мире, тем более адекватны его идеи, и наоборот.

Данная позиция совершенно противоречила тем взглядам в философии и психологии, согласно которым мир «дан» мне в моих ощуще-

ниях, а эти последние являются функцией «высокоорганизованной материи» — мозга. Отсюда понятно, почему для представителей культурно-деятельностной психологии и философов круга Э.В. Ильенкова анатомо-физиологическое изучение мозга как такового не имеет прямого отношения к пониманию сути и механизмов психики, в том числе сознания как высшей ее формы: субстанцией психических явлений выступает именно деятельность живого организма в предметном мире [Ильенков Э.В., 2002, с. 98]. Одним из блестящих доказательств этого положения выступает непревзойденная практика формирования сознания у слепоглохонемых детей в Загорском интернате посредством совместно-разделенной дозированной деятельности (И.А. Соколянский, А.И. Мещеряков, А.В. Апраушев и др.). В результате овладения детьми специфически человеческими операциями практических действий и языком формируется «нормальное» сознание даже в условиях столь обедненной чувственной ткани [Леонтьев А.Н., 2005, с. 108]. Неслучайно А.Н. Леонтьев, говоря о деятельностной природе сознания, подчеркивал: загнать сознание под черепную крышку — значит «загнать его в гроб. Там выхода нет, из-под этой черепной крышки» [Леонтьев А.Н., 2005, с. 308].

О том, что объяснение психики следует искать за пределами мозга, писал и Л.М. Веккер, один из видных представителей Петербургской (Ленинградской) психологической школы. Он же справедливо заметил, что в конечном счете это привело к концепции деятельности в советской психологии: «А.Н. Леонтьев с потрясающей ясностью показывает: изнутри мозга нельзя вывести психическое» [Логинова Н.А., 2019, с. 112].

Таким образом, обращение к идеям философа, жившего в XVII в., позволяет в полной мере не только понять, почему в свое время Л.С. Выготский настаивал на необходимости «оживить спинозизм» в «так называемой» марксистской психологии [Выготский Л.С., 1982, с. 417; Два фрагмента..., 2006, с. 295] и почему А.Н. Леонтьев называл именно деятельность субстанцией сознания [Леонтьев А.Н., 2005, с. 121], но и наметить возможную альтернативу зашедшим в методологический тупик картезиански ориентированным исследованиям сознания в современных когнитивных науках.

Архивные материалы как источник знаний о происхождении и первоначальном значении используемой в психологии терминологии

При анализе нетривиальных взглядов школы А.Н. Леонтьева на деятельность как субстанцию сознания я столкнулась с противоречием, которое долгое время не могла разрешить. Обсуждая в третьей главе книги «Деятельность. Сознание. Личность» необходимость преодоления постулата непосредственности, или «двучленной схемы анализа» ($S - R$), А.Н. Леонтьев в качестве альтернативы предлагает «трехчленную схему», которая включает «среднее звено («средний термин») — деятельность субъекта и соответственно ее условия, цели и средства, — звено, которое опосредствует связи между ними» [Леонтьев А.Н., 2005, с. 65]. И данная терминология («среднее звено», «трехчленная схема анализа») только запутывает дело, поскольку получается, что деятельность в теории школы А.Н. Леонтьева выступает чем-то аналогичным «промежуточной переменной» в необихевиоризме. Именно это зачастую утверждают студенты факультета психологии МГУ, изучающие тексты А.Н. Леонтьева как учебный материал.

Между тем пафос теории деятельности как раз и состоит в том, что деятельность — никакое не третье звено, вставляющееся между субъектом и объектом, как разъяснял в других местах сам А.Н. Леонтьев: «деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между противоположными полюсами: субъект — объект» [Леонтьев А.Н., 2005, с. 257]. В еще более лаконичной форме ту же мысль выразил А.А. Леонтьев: «Деятельность не “прибавляется” к субъекту и объекту, а конституирует их» [Леонтьев А.А., 2001, с. 262].

Разрешить этот когнитивный диссонанс помогло начатое нами недавно [Соколова Е.Е., 2020] изучение некоторых архивных материалов, а именно не опубликованных до сих пор стенограмм состоявшейся в Психологическом институте АПН РСФСР осенью 1948 г. дискуссии по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» (1947). Оказалось, что вышеуказанную терминологию использовали главным образом оппоненты А.Н. Леонтьева, критикуя его, что было весьма характерно для дискуссий того

времени, за «методологические ошибки и пороки».

Так, к примеру, Н.Х. Швачкин в своем выступлении выговаривал А.Н. Леонтьеву: «Вы все время в книге как раз показываете, что между бытием и психикой есть деятельность, которая связывает субъект с объектом. Выставляя деятельность как связующее звено, вы теряете непосредственную связь между психикой и бытием, психика определяется не бытием, а деятельностью» [Научный архив..., 1948а, л. 31]. Приведа известную цитату из ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм» («...ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» [Ленин В.И., 1968, с. 46]), А.Н. Соколов в своем докладе сделал вывод, что «гипотеза Алексея Николаевича об опосредованном характере ощущений является ошибочной гипотезой, она противоречит марксистской теории отражения и не может рассматриваться как объективный критерий психики» [Научный архив..., 1948а, л. 93]. В свою очередь, В.А. Артемов подчеркнул, что «у А.Н. предметом психологического анализа служит не сознание и не реальный мир, а их соотношение, реализующееся в “принципиальном строении деятельности”...» [Научный архив..., 1948б, л. 20], или, иначе говоря, «в рассуждении А.Н. действует не субъект и не объект, не психика и материя, а промежуточный член их отношений» [Научный архив..., 1948б, л. 20 об.]. Но в этом, по Артемову, и заключается «“основной порок” “Очерка развития психики”, написанного А.Н.» [Научный архив..., 1948б, л. 21 об.].

Вместе с тем соратники и союзники А.Н. Леонтьева встали в этом вопросе на его защиту. Так, Л.В. Благонадежина и Л.И. Божович напомнили присутствующим о том, что бытие в марксизме следует понимать не как саму по себе действительность, «среду», внешний мир как таковой вне отношений к нему человека, а как деятельность, реализующую эти отношения [Соколова Е.Е., 2020, с. 113–114]. Приведем другие характерные высказывания союзников А.Н. Леонтьева, не всегда соглашавшихся с ним в других случаях. «Обособляет ли Алексей Николаевич деятельность из общественного бытия, ставя ее каким-то третьим членом, противопоставленным бытию в процессах отражения? — задавал риторический вопрос участник

дискуссии А.В. Чертков. — Так может утверждать только тенденциозный читатель его работы. Наоборот, он решительный противник взглядов, изолирующих сознание человека от его фактического положения, от материальных условий его жизни, его способа производства в данных условиях» [Научный архив..., 1948b, л. 81]. По мнению Н.И. Жинкина, «Ал. Ник. во вступительном докладе хорошо показал, как преодолевается метафизическое противопоставление субъекта и действительности. Субъект и действительность должны быть взяты в единстве, тогда их разорванность преодолевается. Это единство и обеспечивается деятельностью. Деятельность становится предметом изучения психологии» [Научный архив..., 1948b, л. 111–112].

Весьма любопытным был для нас и сделанный по результатам изучения тех же стенограмм вывод [Соколова Е.Е., 2020, с. 114], что именно оппоненты А.Н. Леонтьева терминологически весьма точно обозначили ключевую для теории деятельности идею о том, что психика является не функцией мозга, а функцией целостной деятельности (правда, назвав это положение «методологическим пороком» концепции, поскольку оно противоречило, по их мнению, «ленинской теории отражения»).

Заключение

Ввиду ограниченности объема статьи мы не могли обсудить в ней другие не менее важные функции истории психологии как научной отрасли и учебного предмета в контексте очередных «вызовов» современности. Однако, думается, что и сказанного выше довольно, чтобы понять: обращение к прошлому необходимо для настоящего и будущего психологии и других сопряженных с ней наук. Когда-то Г. Мюнстерберг высказал мысль, не потерявшую до сих пор своей актуальности: «В конце концов лучше получить приблизительно точный предварительный ответ на правильно поставленный вопрос, чем отвечать на ложно поставленный вопрос с точностью до последнего десятичного знака» [цит. по: Выготский Л.С., 1982, с. 325].

На наш взгляд, рефлексия методологических оснований многих современных эмпирических исследований, авторы которых очарованы красотой статистических расчетов, оставляет желать лучшего. Еще в 1978 г. С. Тулмин, автор

ставшей чрезвычайно популярной статьи о Выготском, с удивлением писал: «...в то время как западная психология начинает избегать позитивизма, которого она придерживалась ранее, русская академическая психология — ирония судьбы! — начинает выглядеть скорее похожей на американскую экспериментальную психологию прошедших сорока лет» [цит. по: Сурмава А.В., 2004, с. 76]. Любопытно, что этого замечания Тулмина, присутствующего в исходном, англоязычном, тексте, нет в его русском переводе [Тулмин С., 1981]: видимо, переводчик (или редактор журнала) постыдился привести для русскоязычного читателя мнение Тулмина относительно очевидного для него положения вещей в тогда еще советской науке, которая официально провозглашала борьбу с позитивизмом в различных его вариантах.

Но самым главным в этом тексте является, на наш взгляд, то, что С. Тулмин особо подчеркнул необходимость историко-психологического анализа сути и путей решения методологических проблем в человекознании. Обратив внимание на пристальный интерес отдельных американских ученых к творчеству Л.С. Выготского, он отметил: «Если Майкл Коул до сих пор редактирует новые выпуски работ Выготского, то это он делает не потому, что питает слабость к архивной работе, а потому, что убежден: “Существенная часть того, что было сделано в России с 20-х по 30-е годы, соответствует американским исследованиям сегодняшнего дня”» [Тулмин С., 1981, с. 127]. Несколько позже Майкл Коул самим названием своей книги подчеркнул, что рассматривает возникшую в первой трети XX в. психологию Л.С. Выготского и его последователей не как прошлое, а как будущее психологической науки и практики [Коул М., 1997].

К тому же, как выясняется, в психологии периодически проводятся исследования, весьма схожие по замыслам и методологии с давно уже осуществленными ранее, и, соответственно, в них имеют место «переоткрытия» тех или иных фактов и закономерностей, причем сами авторы подобных новейших исследований могут об этом и не подозревать. Так, к примеру, анализ современных исследований Майкла Томаселло, ставшего в России весьма популярным автором, привел к выводу [Федорович Е.Ю., Соколова Е.Е., 2018], что они как в методическом, так и в результативном отноше-

нии поразительным образом напоминают весьма давние разработки, осуществленные А.Н. Леонтьевым и представителями его школы еще в харьковский период ее становления и развития (1931–1941 гг.), а затем и в последующие десятилетия. Однако данные разработки, к сожалению, оказываются практически неизвестными нашим зарубежным (да и многим отечественным) коллегам. В этом отношении для историков психологии здесь непочатый край работы, тем более что интерес к культурно-деятельностной психологии в последние годы только усиливается.

Об этом говорят, в частности, проводимые каждые три года обществом ISCAR (International Society for Cultural-historical Activity Research), созданным в 2002 г., международные конгрессы (ближайший конгресс должен быть проведен в Москве в год 120-летия со дня рождения А.Н. Леонтьева, т.е. в 2023 г.). В Германии выходит электронный журнал по теории деятельности, с 2001 г. издается серия книг ICHS (International Cultural-historical Human Sciences), в которой представлены кроме оригинальных статей современных исследователей переводы на немецкий язык работ классиков культурно-деятельностной психологии и их историко-психологический анализ (уже вышло более 50 томов данной серии). Благодаря усилиям М. Коула и других американских психологов работы представителей культурно-деятельностного направления, включая архивные материалы, по-прежнему периодически переводятся на английский язык и публикуются, в частности, в *Journal of Russian and East European Psychology* и других изданиях. При этом М. Коул особенно подчеркивает значимость не только отдельных идей, но и самого «стиля» мышления создателей культурно-деятельностной психологии, т.е. специфической методологии их исследований, что, в свою очередь, требует дальнейшей историко-психологической и теоретической рефлексии.

Все это говорит о том, что история психологии как отрасль науки и учебная дисциплина может и должна занимать достойное место в здании психологической науки, а не ютиться где-то на задворках этого здания и лишь по особым праздникам (когда, например, отмечаются юбилеи каких-либо психологов и пишутся приуроченные к ним статьи) допускаться в его парадный подъезд.

Выражение признательности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах ее творцов».

Acknowledgements

The research was funded by RSF, project No. 20-18-00028 «Cultural-historical psychology in the archives of its creators».

Список литературы

- Акопов Г.В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 272 с.
- Батаева Л.А., Олейник О.А. «Трудные проблемы» аналитической философии сознания // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 129–138. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=443&Itemid=52 (дата обращения: 21.01.2022).
- Беленицкая О.Л. Мыслящая гиперсеть (интервью с К.В. Анохиным) // В мире науки. 2021. № 5–6. С. 32–41.
- Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Пг.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1917. 359 с.
- Велихов Е.П., Котов А.А., Лекторский В.А., Величковский Б.М. Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 5–17. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2071&Itemid=52 (дата обращения: 21.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440002578-0>
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
- Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. С. 91–318.
- Два фрагмента из записных книжек Л.С. Выготского // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2006. № 1. С. 294–298.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
- Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2002. 112 с.

Карицкий И.Н. Специфический и всеобщий метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 111–135.

Котов А.А. Моделирование сознания в компьютерных архитектурах: теория исключенных сценариев // Вопросы психологии. 2020. № 5. С. 80–91.

Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр; Ин-т психологии РАН, 1997. 432 с.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2005. 352 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 584 с.

Логинова Н.А. Теоретик психологии Лев Маркович Веккер // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-106-115>

Лопатин Л.М. Психология: Лекции. 1899–1900 ак. г. М.: Лит. О-ва распространения полез. кн., 1900. 386 с.

Мареев С.Н., Мареева Е.В. История философии (общий курс): учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2003. 880 с.

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948.

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948.

Проблема сознания в философии и науке / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 472 с.

Соколова Е.Е. Как А.Н. Леонтьев оживил спиннозизм в марксистской психологии, или О неявном философском основании теории деятельности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 4. С. 654–673. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-654-673>

Соколова Е.Е. Некоторые моменты дискуссии 1948 г. по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» // Вопросы психологии. 2020. № 5. С. 109–118.

Соколова Е. Е., Федорович Е.Ю. О значимости категории «смысл» в зоопсихологии: к дискуссии с Э.В. Ильенковым // Философия Э.В. Ильенкова и

современная психология: сб. науч. тр. / под общ. ред. Г.В. Лобастова, Е.В. Мареевой, Н.В. Гусевой. Усть-Каменогорск, 2018. С. 295–304.

Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произв.: в 2 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 359–618.

Сурмава А.В. Психологический смысл исторического кризиса (Опыт исторического психоанализа) // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 71–85.

Тулмин С. Моцарт в психологии // Вопросы философии. 1981. № 10. С. 127–137.

Ускова Е.В. Статус «квалии» в натуралистических теориях сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 192–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-192-202>

Федорович Е.Ю., Соколова Е.Е. Майкл Томаселло versus Алексей Николаевич Леонтьев: диалог во времени // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 1. С. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140105>

Челпанов Г.И. Учебник психологии: для гимназий и самообразования. М., Пг., Харьков: Т-во В.В. Думнова, 1918. 224 с.

Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 339–626.

Яновский М.И. Самонаблюдение как метод психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 3. С. 3–21.

Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. 575 с.

Яхот И. Подавление философии в СССР. N.Y.: Chaldize, 1981. 296 с.

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

Akopov, G.V. (2010). *Psikhologiya soznaniya: Voprosy metodologii, teorii i prikladnykh issledovaniy* [Psychology of consciousness: Issues of methodology, theory and applied research]. Moscow: IP RAS Publ., 272 p.

Bataeva, L.A. and Oleynik, O.A. (2011). [«Difficult problems» in analytic philosophy of consciousness]. *Voprosy filosofii*. No. 12, pp. 129–138. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=443&Itemid=52 (accessed 21.01.2022).

Belenitskaya, O.L. (2021). [A thinking hypernet. Interview with K.V. Anokhin]. *V mire nauki* [In the World of Science]. No. 5–6, pp. 32–41.

- Chelpanov, G.I. (1918). *Uchebnik psikhologii: Dlya gimnaziy i samoobrazovaniya* [Psychology textbook: For gymnasiums and self-education]. Moscow, Petrograd, Kharkov: Dumnov Publ., 224 p.
- Cole, M. (1997). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka buduschego* [Cultural psychology: a once and future discipline]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., IP RAS Publ., 432 p.
- Dubrovskiy, D.I. (ed.) (2009). *Problema soznaniya v filosofii i nauke* [The problem of consciousness in philosophy and science]. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitatsiya Publ., 472 p.
- Engels, F. (1961). [Dialectics of nature]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols.]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 20, pp. 339–626.
- Fedorovich, E.Yu. and Sokolova, E.E. (2018). [Michael Tomasello versus Alexei N. Leontiev: A dialogue in time]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 14, no. 1, pp. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140105>
- Il'enkov, E.V. (1984). *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on the history and theory]. 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ., 320 p.
- Il'enkov, E.V. (2002). *Shkola dolzhna učit' myslit'* [School must learn to think]. Moscow: MPSU Publ., Voronezh: MODEK Publ., 112 p.
- Karitskiy, I.N. (2005). [Particular and universal method of psychology]. *Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminara. T. 3: Metod psikhologii* [Proceedings of the Yaroslavl methodological seminar. Vol. 3: The Method of Psychology]. Yaroslavl: IAPS Publ., pp. 111–135.
- Kotov, A.A. (2020). [Model of consciousness for computer architectures: The theory of expelled scripts]. *Voprosy Psikhologii*. No. 5, pp. 80–91.
- Lenin, V.I. (1968). [Materialism and Empiriocriticism]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Complete works: in 55 vols.]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 18, pp. 7–384.
- Leont'ev, A.A. (2001). *Deyatel'nyy um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost')* [The active mind (Activity, Sign, Personality)]. Moscow: Smysl Publ., 392 p.
- Leont'ev, A.N. (1981). *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of mind]. 4th ed. Moscow: Moscow University Publ., 584 p.
- Leont'ev, A.N. (2005). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl Publ.; Akademiya Publ., 352 p.
- Loginova, N.A. (2019). [Psychology theorist Leo Vekker]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-106-115>
- Lopatin, L.M. (1900). *Psikhologiya: Lektsii. 1899–1900 ak..g.* [Psychology: Lectures of 1899–1900]. Moscow: Literatura Obschestva Rasprostraneniya Poleznykh Knig Publ., 386 p.
- Mareev, S.N. and Mareeva, E.V. (2003). *Istoriya filosofii (obschiy kurs): ucheb. posobie* [History of philosophy (General course): A tutorial]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 880 p.
- Nauchnyy arkhiv RAO* [Scientific archive of RAE] (1948). Coll. 82. Aids 1. Item 102.
- Nauchnyy arkhiv RAO* [Scientific Archive of RAE] (1948). Coll. 82. Aids 1. Item 103.
- Sokolova, E.E. (2019). [How A.N. Leontiev revived spinozism in Marxist psychology, or on the implicit philosophical basis of the theory of activity]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 16, no. 4, pp. 654–673. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-654-673>
- Sokolova, E.E. (2020). [Some points of the 1948 debate according to the book by A.N. Leontiev «Essay on the development of mind»]. *Voprosy Psikhologii*. No. 5, pp. 109–118.
- Sokolova, E.E. and Fedorovich, E.Yu. (2018). [On the significance of the category «sense» in animal psychology: a discussion with E.V. Ilyenkov]. *Filosofiya E.V. Il'enkova i sovremennaya psikhologiya, pod red. G.V. Lobastova, E.V. Mareevoy, N.V. Gusevoy* [G.V. Lobastov, E.V. Mareeva, N.V. Guseva (eds.) E.V. Ilyenkov's philosophy and modern psychology]. Ust-Kamenogorsk, pp. 295–304.
- Spinoza, B. (1957). [Ethics]. *Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Spinoza B. Selected works: in 2 vols.]. Moscow: Gospolitizdat, vol. 1, pp. 359–618.
- Surmava, A.V. (2004). [The psychological meaning of the historical crisis (Essay of historical psychoanalysis)]. *Voprosy Psikhologii*. No. 3, pp. 71–85.
- Toulmin, S.E. (1981). [Mozart in psychology]. *Voprosy Filosofii*. No. 10, pp. 127–137.
- Uskova, E.V. (2020). [The status of qualia in naturalistic theories of consciousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 192–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-192-202>
- Velikhov, E.P., Kotov, A.A., Lektorskiy, V.A. and Velichkovskiy, B.M. (2018). [Interdisciplinary Consciousness Research: 30 Years on]. *Voprosy Filosofii*. No. 12, pp. 5–17. Available at:

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2071&Itemid=52 (accessed 21.01.2022).

DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440002578-0>

Vvedenskiy, A.I. (1917). *Psikhologiya bez vsyakoy metafiziki* [Psychology without any metaphysics]. Petrograd: M.M. Stasyulevich Publ., 359 p.

Vygotsky, L.S. (1982). [The historical meaning of the crisis in psychology]. *Vygotskiy L.S. Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 1: Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Vygotsky L.S. Collected works: in 6 vols. Vol. 1: Questions of the theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 291–436.

Vygotsky, L.S. (1984). [The teaching about emotions: Historical-psychological studies]. *Vygotskiy L.S. Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 6: Nauchnoye nasledstvo* [Vygotsky L.S. Collected works: in 6 vols. Vol. 6: Scientific legacy]. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 91–328.

Vygotsky, L.S. (2006). [Two excerpts from the notebooks. A psychophysical problem]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye* [RSUH/RGGU Bulletin. «Psychology. Pedagogics. Education». No. 1, pp. 294–298.

Yakhot, I. (1981). *Podavlenie filosofii v SSSR* [The suppression of philosophy in the USSR]. New York: Chaldiz Publ., 296 p.

Yanovskiy, M.I. (2015). [Self-observation as a method of psychology]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 3, pp. 3–21.

Yaroshevskiy, M.G. (1985). *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Mysl' Publ., 575 p.

Received: 01.02.2022. Accepted: 15.02.2022

Об авторе

Соколова Елена Евгеньевна

доктор психологических наук, доцент

доцент кафедры общей психологии,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
125009, Москва, ул. Моховая, 11/9;

научный сотрудник,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
308015, Белгород, ул. Победы, 85;

e-mail: ees-msu@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>

ResearcherID: E-7728-2012

About the author

Elena E. Sokolova

Doctor of Psychology, Docent

Associate Professor of the Department
of General Psychology,
Lomonosov Moscow State University,
11/9, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia;

Researcher,
Belgorod State University,
85, Pobedy st., Belgorod, 308015, Russia;

e-mail: ees-msu@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>

ResearcherID: E-7728-2012

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соколова Е.Е. Методологические функции истории психологии в современной науке // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 25–37. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-25-37

For citation:

Sokolova E.E. [Methodological functions of the history of psychology in modern science]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 25–37 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-25-37